

соотносятся между собой явления меньшинства и маргинальности, маргинальности и бедности, маргинальности и профессиональной бесчестности. Реалии современности делают необходимым обращение к проблеме маргинальной культуры в свете изучения ментальных установок и описания отдельных маргинальных групп по критериям их стигматизации и наложения табу. При изучении маргинальной культуры с древних времен и по сей день анализируются запреты, которые налагает общество для собственного нормального функционирования.

Ключевые слова: маргинальность, меньшинства, бедность, стигматизация, табу.

* * *

УДК 141.78

Зимарёва Ю. В.,
аспирантка кафедры филологии и перевода,
Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика
В. Лазаряна (Украина, Днепропетровск),
julia_zyoma@mail.ru

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ XXI ВЕКА

Релятивизм, декларируемый постмодернизмом, по-прежнему представляет собой главную угрозу идеям и идеалам Просвещения. В конце XX века главные идеологи постмодернизма демонстрируют отчетливый поворот в сторону ревизии Просвещения, призывая переосмыслить Канта, Гегеля, Маркса (Фуко, Деррида, Бодрийяр, Жижек) в целях постмодернистского «просвещения» с помощью «проекта Просвещения».

Ключевые слова: Просвещение, постмодернизм, плюрализм, культура, нарратив, ревизия, хаосмическое, истина.

(статья друкється мовою оригіналу)

Термин «постмодерн», оставаясь противоречивым в течение полувека своего использования, означает столько способов определения и столько видов интерпретации, что, как представляется многим теоретикам, «постмодерн» включает практически все, и, следовательно, не означает ничего. Здесь следует сразу же отметить: термин «постмодерн» («postmodernity») подразумевает широкий контекст определенной исторической эпохи, а «постмодернизм» – «дух» этой эпохи («Zeitgeist»); дух, конституированный идеями и практиками (научными, философскими, эстетическими, политическими и др.), определяющими культуру [1, с. 19–20]. Разрастаясь и распространяясь, постмодернизм все более интенсивно влияет сегодня на то, как мы видим окружающий мир, как мы живем в этом мире и понимаем его.

Плюрализм и различие, будучи в такой же степени ключевыми понятиями для постмодерна, в какой концепт универсальности был для Нового времени, предопределяют поведение как индивидов, так и социумов, предпочтительность «неправильного», «хаосмического», пользуясь неологизмом Дж. Джойса, который весьма симптоматично определяет таким термином эпоху и ее стиль как смесь хаоса и космоса [3, с. 1]. Таким образом, постмодернистским идеалом становится «хаосмополитанизм», утверждает Дж. Капуто [4, с. 5].

Ученые задают вопрос: «Что же такое постмодернизм сегодня, в начале XXI века? Культура? Образ жизни? Модус философствования?». Поскольку весьма затруднительно теоретизировать постмодерн как корпус доктрин, многие исследователи предпочитают определять его в качестве стиля, определенного модуса, своего рода «изменения», продолжающего проект модерна, но с использованием иных

средств и приемов [5]. Там, где модерн полагал наличие «чистых» правил и строгого метода (в этике или науке), постмодернизм рекомендует гибкость и адаптивность; там, где модерн создавал «великий нарратив», охватывающий все социокультурные феномены, постмодернизм декларирует наличие множества мелких, локальных нарративов («недоверие к метанарративам» Ж.–Ф. Лиотара) стало самым знаменитым определением постмодернизма). Модернисты, как известно, не приветствовали исключения из правил, постмодернисты уверены: исключение – двигатель креативности, именно тот случай, когда система может полностью обновить себя (Фуко, Делез, Гваттари и др.). Там, где модернисты приветствовали уверенность и несомненность, постмодернисты видят здоровое воздействие иронии и скептицизма, – именно то движение, которое Джойс блестяще назвал «хаосмическим»: «беспорядочный порядок», «открыто – закрытый порядок», который дает жизни шанс [6].

Ответ на один из главных философских вопросов: «Что есть истина?» в постмодерне всегда зависит от «обстоятельств» – обстоятельство жизни отдельных индивидов, отдельных нарративов, отдельных «картин мира» и т.д. Постмодернисты с большим скепсисом относятся к предположению, что существует «истина» – некая неизменная абстракция, настаивая на том, что есть множество различных «истин» в зависимости от того, кто вы, что вы, где вы и т.д., – а в этом проблема постмодернистской «правды».

Релятивизм, декларируемый постмодернизмом, означает, что истины нет, есть конкурирующие «правды» в разнообразных контекстах культуры, языка, гендера, религии, этноса, потребностей, индивидуальных вкусов и т.д. Релятивизм в целом является главной угрозой истине со стороны постмодерна, так же, как абсолютизм был главной угрозой со стороны модернизма. Однако в конце XX века постмодернизм в лице своих главных идеологов – Фуко, Деррида, Бодрийяра, Жижека – намечает отчетливый поворот в сторону ревизии Просвещения. Незадолго до своей смерти в 1984 году Фуко призывал к переосмыслению Просвещения. Теоретики метанарративов, которые, как казалось, уже покинули «повестку дня» постмодернизма, неожиданно вновь заняли в ней центральное место, призывая переосмыслить Канта, Гегеля и Маркса [7, с. 173]. Еще в 1994 году Деррида достаточно жестко прореагировал на «счастливый конец» («happy end») истории, предсказанной Фукуямой [8], а Деррида попытался «воскресить» Карла Маркса. Для Деррида Маркс – это «множественное число», и он доказывает: Маркс открыт интерпретации и ревизии в ответ на культурные вызовы и политические трансформации постсовременности [8, с. 5].

Бесспорно, Маркс и ранее подвергался ревизии, но в 2008 С. Жижек решает обратиться к В. И. Ленину, публикуя свои «13 опытов о Ленине» и тем самым возвращая «самого знаменитого большевика» в философский политический дискурс постмодерна [9]. Жижек пробует говорить о Ленине «иначе», подчеркивая, что благодаря внимательному чтению «Логик» Гегеля, Ленин сумел распознать уникальную ситуацию 1914 года в ее возможности революции. Тем самым Жижек привлекает внимание к значению философии, ее влиянию на Ленина в большевистской политической борьбе, особо

отмечая, что «высокая теория» и сегодня играет важную роль в большинстве конкретных проявлений политической борьбы, несмотря на то, что такой интеллект, как Ноам Хомский, любит подчеркивать, насколько несущественно теоретическое знание для современного политического движения. «Чем может помочь изучение великих текстов по философии и социальной теории в сегодняшней борьбе против неолиберальной модели глобализации?», – задает вопрос Жижек, – продолжая: «С чем мы имеем дело – с очевидными фактами ... или с чем-то настолько непостижимо запутанным, в чем мы никак не можем разобраться? в том, что касается этого антитеоретического соблазна, мало привлечь внимание к множеству теоретических допущений относительно свободы, власти и общества, ... куда более важно то, каким образом сегодня, быть может впервые в истории человечества, наш повседневный опыт (биогенетика, экология, киберпространство и виртуальный мир) вынуждает всех нас столкнуться с основными философскими вопросами о природе свободы, человеческой идентичности и т.д.» [9, с. 4–5].

Сегодня многие постмодернисты по-прежнему готовы защитить «двусмысленность» и «непрограммируемость» истины, в то же время утверждая: некоторые вещи являются не просто «другими», но ошибочными. Тем самым исследователи отдают должное Просвещению: оно освободило нас от догматов Церкви, власти предрассудков, королевской власти, заменив все это гражданскими свободами, научными исследованиями и технологическими достижениями.

Фукуяма, как известно, предупреждает, что история «последних людей» может «регрессировать в революцию» не столько вследствие необходимости, сколько неудовлетворения своим процветанием. Сегодня мы видим тому яркие примеры. Способна ли культура противостоять глобальной гомогенизации? – этот вопрос задают сегодня многие теоретики.

Совокупность изменений социума, объединяемых понятием «глобализация», – одно из проявлений исторической мутации, происходящей на наших глазах. Если до сих пор происходящая мутация вызывала опасные, но контролируемые кризисы, то, как соглашаются все теоретики, сегодня глобализация обозначает новый, уже не локальный масштаб проблем. Фундаментальный вопрос прогресса – ведет ли он к увеличению или уменьшению «управляемости» миром, – возвращает ученых к Просвещению. Теоретики уже не стремятся просто противостоять Просвещению, но утверждают: «старое Просвещение» сделало все то положительное, что оно планировало сделать, сегодня нам нужно другое, не «анти-Просвещение», но «Новое Просвещение». Дж. Капуто пишет о том, что мы должны продолжить Просвещение с помощью других средств, мы должны «быть просвещенными» посредством Просвещения. Эта идея, продолжает Капуто, не для того, чтобы «потушить огонь Просвещения, но чтобы выпустить новое переработанное издание, усложнив его Чистый Свет новыми тенями, оттенками серого, черными дырами и другими неожиданными нюансами и осложнениями» [6, с. 10].

Также важно заметить: сама критика просвещенческих тенденций не свободна от «проекта Просвещения». В данном контексте можно привести пример с проблемой

феминизма и анти-Просвещения. В соответствии с критикой Просвещения, именно наука воплощает интеллектуальные и политические «грехи» Просвещения (Фуко, Лиотар, Рорти и др.). В соответствии с аргументами «защиты» Просвещения, вышеупомянутые критики пытаются «ослабить доспехи» науки в целях демократии, экологии, антимилитаризма и других прогрессивных идей. В феминистской теории оппозиция Просвещению копируется с большой точностью (Дж. Флекс, Д. Харауэй и др.), однако есть теоретики, утверждающие ту мысль, что феминизм должен быть очень осторожен в своей антипросвещенческой критике, и доказывающие, что исследователи гендера, теоретики-феминисты совершают большую ошибку, принимая «на веру» постмодернистские положения. Л. Иригарэ имплицитно предполагает, что постмодернизм – это последняя «уловка» патриархата, а Н. Хартсон пишет: «В наших попытках найти способы включения маргинальных групп мы могли бы рассчитывать на полезное руководство тех, кто оспаривает тоталитаризирующие и универсалистские теории Просвещения», однако, продолжает исследовательница, эти теории скорее препятствуют, чем помогают, потому что тем, кто пытается понять мир системно, постмодернистские теории едва ли могут предложить какое-либо руководство [10, с. 85].

Таким образом, на фоне совершенно новых вызовов и глубинных изменений во всех аспектах человеческого бытия становится более очевидной проблематичность утверждения неспособности просвещенческой философии ставить моральные вопросы и их решать. Как представляется, вполне заслуживает внимания мысль о том, что требуется переосмысление методов и задач философии Просвещения, ее морали и этики, безусловно, в их соразмерности с тем историческим поворотом, который происходит сегодня на наших глазах.

Список использованных источников

1. Власова Т. И., Скиба Э. К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна. – Дн–вск: Из-во Маковецкий, 2011. – 124 с.
2. Geyh P. Cities, Citizens and Technologies: urban Life and Postmodernity. – London and New York: Routledge, 2009. – 264 p.
3. Austin R. Chaomic Naturalisms: Exploring the Pantheist Philosophies of Robert S. Correngron and Bdant Fabet. – www.academia.edu/12159745.
4. Caputo J. Truth. – London: Penguin Books, 2013. – 283 p.
5. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. – London and New York: Routledge, 2002. – 268 p.
6. Caputo J. The Influence of God: A Theology of Perhaps. – Indiana University Press, 2013. – 320 p.
7. Appignanessi R., Garrat C. Introducing Postmodernism. – London: Icon Books, 2007. – 185 p.
8. Sim S. Derrida and the End of History. – Cambridge: Icon Books, 1996. – 80 p.
9. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 255 с.
10. Harding O. Feminism, Science, and the Anti-Enlightment Critique// Feminism/ Postmodernism. – New York and London: Routledge, 1992. – 348 p.

References

1. Vlasova T. I., Skiba E. K. Gender i feministskaya teoriya v filosofii postmoderna. – Dn–vsk: Iz–vo Makovetskiy, 2011. – 124 s.
2. Geyh P. Cities, Citizens and Technologies: urban Life and Postmodernity. – London and New York: Routledge, 2009. – 264 p.
3. Austin R. Chaomic Naturalisms: Exploring the Pantheist Philosophies of Robert S. Correngron and Bdant Fabet. – www.academia.edu/12159745.
4. Caputo J. Truth. – London: Penguin Books, 2013. – 283 p.

5. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. – London and New York: Routledge, 2002. – 268 p.
6. Caputo J. The Influence of God: A Theology of Perhaps. – Indiana University Press, 2013. – 320 p.
7. Appignanesi R., Garrat C. Introducing Postmodernism. – London: Icon Books, 2007. – 185 p.
8. Sim S. Derrida and the End of History. – Cambridge: Icon Books, 1996. – 80 p.
9. Zhizhek S. 13 opytiv o Lenine. – M.: Ad Marginem, 2003. – 255 s.
10. Harding O. Feminism, Science, and the Anti-Enlightenment Critique// Feminism/ Postmodernism. – New York and London: Routledge, 1992. – 348 p.

Zimaryova Ju. V., PhD-student of Department of Philology and Translation Dnipropetrovsk national university of railway transport named after academician V. Lazaryan (Ukraine, Dnipropetrovsk), julia_zuoma@mail.ru

Postmodernism and the Enlightenment in the changing world of the XXI century

Relativism, being declared by postmodernism, is still a main threat to the ideas and ideals of the Enlightenment. At the end of the XX century the classical ideologists of postmodernity demonstrate an evident turn to the revision of the Enlightenment, calling to review the ideas of Kant, Hegel, Marx (Foucault, Derrida, Baudrillard, Žižek) for the aim of postmodernism «enlightenment» with the help of the «project of the Enlightenment».

Keywords: Enlightenment, postmodernism, pluralism, culture, narrative, revision, chaotic, truth.

Зімарьова Ю. В., аспірантка кафедри філології та перекладу, Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту ім. академіка В. Лазаряна (Україна, Дніпропетровськ), julia_zuoma@mail.ru

Постмодернізм та Просвітництво в змінюваному світі XXI століття

Релятивізм, декларований постмодернізмом, як і раніше являє собою головну загрозу ідеям та ідеалам Просвітництва. Наприкінці XX століття головні ідеологи постмодернізму демонструють виразний поворот у бік ревізії Просвітництва, закликаючи переосмислити Канта, Гегеля, Маркса (Фуко, Дерріда, Бодрійяр, Жижек) з метою постмодерністського «просвітництва» за допомогою «проекту Просвітництва».

Ключові слова: Просвітництво, постмодернізм, плюралізм, культура, нарратив, ревізія, хаосмічне, істина.

* * *

УДК 141.7:159.964.2

Суський Я. С., аспірант кафедри соціальної філософії та філософії освіти, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)

ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ ЗНАЧУЩОСТІ ПСИХОАНАЛІЗУ З. ФРОЙДА ДЛЯ РОЗВИТКУ ДОСЛІДЖЕННЯ СТРУКТУРИ ОСОБИСТОСТІ У ТЕОРІЇ СОЦІАЛЬНИХ СИСТЕМ

Стаття присвячена філософському аналізу значущості теорії З. Фройда для більш пізніх досліджень, які пов'язані з розвитком структури особистості для соціальних систем та теорії Т. Парсонса, зокрема. Проаналізовані основні наукові роботи, які на думку автора, мають відношення до даної проблематики. Описані концепції супер-єго, символу батька та табу на інцест в світлі теорії соціальних систем. В статті пропонується для ознайомлення вклад теорії психоаналізу в інтеграцію соціології та психології. Не всі ідеї психоаналізу беруться до уваги через обмеження лише в термінах особистості та її оточення, що є не застосовними до специфіки системи соціальних взаємодій. В структурі фройдової схеми виокремлюються певні моменти, які можуть бути досить прямим чином співвіднесені: по-перше, із соціологічним аналізом сім'ї, як малої соціальної групи та, по-друге, із проблемою переходу дитини від членства переважно в своїй власній сім'ї до участі в ширших колах суспільства. Актуальність подальшого дослідження тісно пов'язана з інтеграцією соціології та психології для подальшої побудови теорії особистості, яка стосується різних аспектів людської діяльності та реалізації соціальних ролей в сучасному суспільстві.

Ключові слова: особистість, індивід, теорія соціальних систем, супер-єго, соціалізація, суспільство, психоаналіз.

Досліджуючи концепції супер-єго, символу батька та табу на інцест в світлі теорії соціальних систем, ми можемо побачити спільну основу для теоретичного аналізу людської поведінки, яка поєднує в собі соціологію та психоаналітичну теорію особистості, що стосується проблеми співвіднесення мотивації та діяльності щодо реалізації соціальних ролей, а також здійснення контролю над діяльністю через нормативні механізми. Не зважаючи на те, що головний зміст структури особистості походить саме з соціальної системи та системи культури, в процесі соціалізації, індивід стає незалежною системою через стосунки зі своїм власним організмом та через унікальність свого життєвого досвіду. Саме тут, на думку автора, важливий внесок має вчення З. Фройда, яке становить основу психологічного підходу Т. Парсонса до структури особистості.

На початку XX ст. у науковому просторі з'явилося нове явище – психоаналітична теорія З. Фройда, яка представлена в низці його робіт. На деякі з них, а саме «Психологія несвідомого» [7] та «Основні психологічні теорії в психоаналізі» [6] ми будемо опиратися в цьому дослідженні. За свою столітню історію психоаналітична концепція зазнала і розквіт, і відносний занепад, але досі дуже поширена і вживана для інтерпретації самого широкого спектра явищ. Незважаючи на те, що з самого свого виникнення психоаналіз сприймався досить скептично, багато його положень (хоча і в змінній формі) застосовувалися і застосовуються до цих пір в конкретних наукових дослідженнях.

Зазвичай при розгляді теми психоаналізу на перший план висувається фундаментальне значення психосексуального потягу як визначального мотиву та єдиний комплекс як толкування концепції міжособистісної взаємодії. Для нашого дослідження найбільш істотні кілька аспектів, пов'язаних з роллю психоаналітичної теорії особистості в загальній ситуації, що склалася в науці в першій половині XX ст. Крім того, психоаналітична теорія особистості мала значний вплив на подальший розвиток психологічної орієнтації в етнології (в першу чергу в США) як у напрямку розширення предмета досліджень, так і в теоретичній інтерпретації емпіричних результатів польових досліджень. Наприклад, дослідження Маргарет Мід [3].

Широкої популярності в середині XX століття набуває праця Т. Парсонса «Про структуру соціальної дії» [4]. Американський вчений, соціолог синтезував теоретичні підходи своїх попередників та розробив загальну теорію дії і, зокрема, соціальної дії як системи, що само-організовується. В останній, яка задана набором функціональних проблем будь-якої системи, він аналітично виокремлює підсистему особистості. Орієнтації дійової особи (актора) описуються при цьому за допомогою набору стандартних змінних. Цю теоретичну мову Т. Парсонс використовував для опису будь-якої системи. На ранньому етапі досліджень він прагнув знайти певний компроміс між раціональним та нелогічним, підсвідомим. Саме тут опорою стала теорія психоаналізу З. Фройда, яка знайшла своє відображення в праці «Соціальна структура і особистість» [5].

Так же, до уваги була взята праця Келвін С. Холл, Гарднер Ліндсей [1], яка має стосунок до перспективи дослідження теорії особистості в міждисциплінарному напрямку та праця А. Ковалев [2], що проливає світло